
ОТАНДЫҚ ӘДЕБИЕТТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ACTUAL ISSUES OF DOMESTIC LITERARY CRITICISM

DOI 10.31489/2020Ph2/57-63

УДК 821.512.122.09

С.Т. Касенов¹, Л.И. Абдуллина¹, П.В. Маркина²

¹Восточно-Казахстанский государственный университет им. С.Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан;

²Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

(E-mail: saken_69@mail.ru)

Образ Великой степи в аспекте новой компаративистики (на материале поэмы Г. Зелинского «Киргиз» и повести Г. Гребенщикова «Ханство Батырбека»)

В статье исследован образ степи на материале литературной параллели: поэма польского поэта Г. Зелинского «Киргиз» — повесть Г. Гребенщикова «Ханство Батырбека». Названные произведения неоднократно становились предметом научного наблюдения польских, русских и отечественных исследователей. При этом в фокусе оказывался преимущественно этнографический комментарий. Оригинальность предпринятого в рамках статьи сравнения заключается не столько в предмете — образе степи — сколько в апробации нового ракурса. Описывая феномен взаимодействия художественных миров, авторы статьи применили современные компаративистские подходы, смещая акценты с выделения закономерностей в создании образа степи на интерпретацию истоков этого процесса в историко-литературной перспективе. Переход к приемам сравнительной имагологии позволяет отследить формирование образа от зарождения и бытования вплоть до исторического проецирования на современный страновой бренд Казахстана как страны Великой степи. Имагологическая методика аутентично передает глубинные истоки параллельных историко-литературных процессов на протяжении длительного времени. Текстологические иллюстрации в соответствии с научной версией авторов доказывают ментальную природу образа степи. Итогом научных наблюдений становится заключение о продуктивности новых компаративистских подходов при изучении литературных аналогий.

Ключевые слова: компаративистика, имагология, этнографическая экзотика, бытописание, художественный образ, дискурс, концепт.

Литературоведческий комментарий, как правило, «работает» с неоднократно апробированным «инструментом» и зарекомендовавшими себя методиками. Однако минувший рубеж веков внес принципиальные коррективы во все отрасли знаний, игнорировать которые не представляется возможным. В поисках адекватных запросам времени методик наука о литературе вырабатывает стратегии, ориентируясь на собственные ресурсы с учетом изменения культурологической картины мира. Интегративная природа литературной компаративистики изначально направлена на «прочтение» литературного текста сквозь призму сопоставления-сближения «некоторых духовно единообразных контекстов», обнаружение «базовых универсалий, сплачивающих многоликие культурные системы в одно динамическое целое» [1; 52].

Новая парадигма компаративистских исследований открывает уникальную возможность «определения механики диалога творческих миров, находящихся на значительном историко-культурном расстоянии друг от друга» [2; 302]. Выделившееся внутри сравнительного

литературоведения имагологическое направление обретает все больше сторонников среди научного мира. Результаты исследований ученых научной школы АлтГПУ (Барнаул, РФ) демонстрируют продуктивность тактик имагологии в условиях трансграничного взаимодействия региональной литературы Сибири, Алтайского края и пограничных с Россией территорий Казахстана. В разработке научных представлений алтайских ученых — феномен этнокультурных стереотипов и факторов, влияющих на их модификацию в поликультурном обществе евразийского пространства.

Новый ракурс, по нашему мнению, позволяет рассмотреть «ситуации как бы случайного, внешне не мотивированного схождения образов в творческом наследии писателей, принадлежащих разным национальным мирам» [1; 53]. Имагология (от лат. *Imago* — изображение, образ) как новое направление компаративистики придает категории «художественный образ» дополнительное измерение, пространственно-временную объемность. В соответствии с выдвигаемой рабочей гипотезой приемы имагологии позволят не только выявить общее и различное в художественной интерпретации концепта «степь», но и обнаружить в контексте исторической подвижности и сложившихся стереотипов концептуальную сущность образа.

В ходе исследовательских аналогий поэмы «Киргиз» (1842) польского романтика Густава Зелинского и Георгия Гребенщикова, переводчика произведения с польского на русский и, одновременно, автора повести «Ханство Батырбека» (1913), нами был выделен образ степи как основание для проводимой параллели. На первый взгляд, в центре названных произведений — главный герой в ситуациях, передающих драматизм его судьбы. В изученных нами научно-биографических очерках, в первую очередь, названа этнографическая ценность представленной авторами художественной картины. Интерес к бытоописанию обусловлен фактами их биографии. Г. Зелинский наблюдал аульную жизнь казахов, называвшихся тогда киргизами, в окрестностях Ишима во время сибирской ссылки. Критик-биограф Одровонж-Пененжек из личных дневников Зелинского установил, что начинающий поэт знакомится с обстоятельным трудом «Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей» под заглавием «Этнографические известия» (1832) [3; 362]. Исследователь также очерчивает круг чтения ссыльного поэта, в который входят труды по философии и социологии и русская периодика: журналы «Современник», «Москвитянин», «Журнал Министерства народного просвещения». Эти факты дают основания предполагать, что писатель за бытом и жизненным укладом пытается понять переживания и представления степняка.

Романтическая природа этногеографических реалий в поэме Густава Зелинского «Киргиз» «прочитывается» в приемах бытописания, в том числе и введением в текст обиходных слов тюркского происхождения. Свободолюбивый характер героя и сама идея вольности также имеют отношение к обязательной атрибутике романтизма.

Вместе с тем внимательное прочтение текста поэмы Зелинского в переводе Гребенщикова смещает исследовательский акцент с образа героя в этнографической «рамке» на образ степи, который несет многофункциональную нагрузку. В качестве пейзажного концепта степь — это место, где происходят события поэмы, и это мечта-родина-свобода-цель, которая мотивирует поведение персонажа и определяет сюжетостроение поэмы.

Образ степи своеобразным рефреном «пронизывает» весь текст поэмы и скрепляет его иногда фабульно разрозненные фрагменты. Субъективно-оценочные характеристики степи даны через восприятие героя: степь «родная», ее просторы «милые». С помощью приема олицетворения перед читателем возникает живой образ степи: «Степь укуталась в туманы», Степь — спутница и защитница: «вслед кивают / Им цветы, всплакнув росой... / И, загладив след побега / Дремлет вновь трава степная — / И молчит, скрывая тайну» [4; 198].

Степь, как хронотоп, «задает» координаты поступков героя. Пространство — равнина *беспредельная*; *ширь* (в словаре «ширь»: широкое пространство, широта, простор) — неограниченная территория. Время в поэме соотносится с категорией космоса и придает образу значение архетипа с помощью определения «седой». Изобразительный эпитет — «ширь седая», просторы «седые» — это цвет ковыльной травы, временное значение подчеркивает многовековую историю (ср.: «седая старина»). Итак, безграничность в пространстве и времени, как характеристики степи, формируют черты личности кочевника, которого не пугают вселенские масштабы, он легко ориентируется в ней, а вне степи герой — «истерзанный душой»...

В выбранной нами «оптике» исследования степь рассматривается как жизненная сила, энергия (в современной терминологии: энергетический ресурс): «Жадно пил он степи воздух». Эта ключевая фраза, с нашей точки зрения, составляет концепт образа: степь — не безразличная к человеку терри-

тория, но среда, дающая, наделяющая героя силой, энергией. Автор представляет своего героя с помощью нарицательных номинаций: «Киргиз» — в заглавии, и «Всадник», «Джигит», «Сын степей» — в самом тексте. Нет собственных имен и у главы племени: просто Бий, его личный шаман — Старец. Лишь возлюбленная Всадника наделена именем — красавица Демеля, дочь Бия. Всадник, из любви к Демеле, отказывается от кровной мести и уговаривает девушку бежать. И уже ничто не отвлекает героев от заветной мечты — вырваться на волю.

Такой принцип наименования персонажей — также дань романтизму: важна поэтика общего, без детализации (ср.: «Кавказский пленник» А.С. Пушкина). При этом очевидна и установка автора сделать образ степи определяющим судьбы ее обитателей. Степь — это жизнь: воздух-вода, без которых человек не может существовать. С детства житель степи учится определять свой путь по звездам, которые в бездорожной степи — главные ориентиры: «Без дорог — по зову сердца / На простор степей родимых». «Гладь степная бездорожна»: только не для кочевника, который «в детстве раннем / Путь искал по звездам неба» [4; 199].

Степь — это и воля, ей противопоставлена стандартная романтическая антитеза — неволя: «злая удушливая неволя» воплощена в образе «каменных юрт», из которых герой стремится выбраться, чтобы «на крыльях смелой воли / Улететь в родные степи», «сбросить рабства гнет тяжелый».

Только в степи Джигит обретает свой первоначальный облик — дитя: «Опираясь на стремена / Встал Джигит и, как *ребенок*, / К степи руки простирая/Замер в сладком умиленьи... /После долгого страданья /В злой удушливой неволе /Жадно пил он степи воздух/Ароматом насыщенный/И, вздыхая полной грудью/Трепетал в восторге счастья /Перед девственной природой/Перед сбывшейся мечтою»... [4; 199].

По сюжету разгневанный Бий пускается в погоню за беглецами, но, не сумев догнать, устраивает степной пожар, в котором влюбленные погибают. Истребление степи как жизненной среды, питающей героя и определяющей его судьбу, влечет гибель персонажа, не успевшего раскрыться как личность.

Так, Г. Зелинский решает проблему героя: через образ степи, наделенный функцией концепта, вне которого поэма бы представляла романтические эпизоды-клише и монологи-признания безымянного героя.

Текстологический анализ поэмы вносит определенные корректировки в образную систему поэмы польского автора, известность которому, по единодушной оценке критиков-биографов, принесло именно это произведение, впоследствии переведённое на ряд языков. К русскому читателю поэма Г. Зелинского «Киргиз» пришла благодаря Г. Гребенщикову.

Что заставило-привлекло русского писателя-этнографа в художественной картине Зелинского, удаленной во времени и пространстве?

Работа Г. Гребенщикова над переводом «Киргиза» шла параллельно с написанием повести «Ханство Батырбека» (1912–1913). Как и в творческой биографии Зелинского, произведение признано этапным произведением Гребенщикова и лучшим «из жизни киргиз». Подобно Зелинскому, Гребенщиков занимается этнографией и в своих публицистических работах и очерках рассказывает историю степи: «Каркаралинский мещанин», «Славный джигит» (пьеса, названная по-казахски «Джаксы джигит»). Культура степи увлекает бытописателя и фольклориста своей экзотикой, которая раскрывается ему благодаря свободному владению казахским языком.

Г.Д. Гребенщиков был потомком хана-кочевника по имени Тарлыкан, или Тарухан, о чем с нескрываемой гордостью писал в своей биографии, а в эмиграции подтвердил выбором для себя изотерического имени Тарухан. Биографы писателя указывают, что именно с переводом поэмы Зелинского «Киргиз» мотивы казахской степи прочно входят в творчество Г.Д. Гребенщикова. Еще раз зададимся вопросом: «Что было увидено Гребенщиковым в поэме Зелинского и как созданные в реалистической стилистике образы степняков соотносятся с романтическим образом героя Зелинского?».

Ответы на эти вопросы мы находим в гребенщikovском предисловии к своему переводу: «...польский поэт Густав Зелинский, окружая романтический сюжет своей поэмы столь разнообразной и узорчато-нежной рамкой из душистых и живых цветов степной жизни, будто знал, что в наши дни она не даст уже ни тех ярких образов, ни тех звучных мелодий, какие вдохновляли поэта еще так сравнительно недавно. Обширный и оригинальный мир кочевника-киргиза, еще недавно находившийся в полном расцвете поэтической воли, — быстро на наших глазах начинает блекнуть...». Там же автор реалистически воссозданной картины четко формулирует свою авторскую позицию: «Пройдет еще немного лет и полная поэзии кочевая жизнь превратится в скучную прозу безропотной ноши

мужицкого ярма, под тяжестью которого уже не воскреснут смелые взмахи минувшей удали, и умрут последние воспоминания о былых красотах степного простора» [5; 145].

Глубинный смысл поэмы Зелинского «Киргиз» Гребенщиков-переводчик видит «глазами» поэта, которого вдохновляли «живые цветы степной жизни», «красоты степного простора» — «поэзия кочевой жизни». Автор повести «Ханство Батырбека» «исследует», как степь, во всем своем первозданно-девственном великолепии «засвидетельствованная» в романтической поэме Зелинского, «блекнет» и разрушается. В реалистической версии Гребенщикова герой теряет не имя, но весь свой мир — свое «ханство» — необъятную степь-волю... Безымянный герой Зелинского физически погибает вместе с пожаром степи, герой Гребенщикова с утратой воли/степи теряет себя как личность!

Обратимся к тексту повести, наблюдая над приемами раскрытия ключевого образа «степь». Жизнь небольшого казахского аула, выписанная в этнографических деталях с элементами фольклорной эпики и в мифологическом обрамлении, изображена в переломные моменты истории степи. Меняется само время, умирает патриархальная культура аулов, старообрядческих деревень, круша привычные образы. Драматизм ситуации усугубляется разладом в душе хана Батырбека: оборвалась связь между хозяином и его землей. Причина личной драмы не столько в происходящих социальных переменах, сколько в их последствиях: нарушается гармония героя с природой. Образно говоря, «рвется пуповина», связывающая героя со степью, питающую его жизненными соками.

Первая глава повести открывается своеобразным зачином: «Киргиз Батырбек, потомок знатного ханского рода, верхом на коне ехал по степи и пел раздольную песню». Эпитет «раздольная» отсылает к описанию «киргизских напевов» в поэме Зелинского: «О, киргизские напевы. О, когда поет вас вольный Сын степей свободной грудью — Вся природа умолкает, / В сладкой дреме цепенея. И, как будто в том напеве / Плачет степь в тоске по небу». «Раздольная» песня рождается в «свободной груди» «вольного Сына степей».

Из песни Батырбека читатель узнает гордую историю знатного ханского рода: дед Маймырхан — «настоящий хан: жил в белоснежной юрте, ел только жеребятину, каждый день пил верблюжьи сливки»; отец Бекмурза — «князь-повелитель» и он, Батырбек — «князь-богатырь». Но с песней эта славная история и заканчивается: «Так завершился бег, о котором знала вся степь, о котором из века в век будут петь, как о сказке»... Имя персонажа хранит связь с предками и отражает, как от поколения к поколению в именах утрачивается гордый титул — хан, что означает «властитель, монарх» (*мурза и бек* — титулы одного порядка: князь, господин). В имени Батырбек заложена семантика богатырства, что в сочетании с титулом (*бек*) накладывает на носителя имени роль защитника рода, его свободы. Автор подчеркивает: «хан Батырбек, с детства привыкший жить вольно и беззаботно».

Гребенщикову удается не только в деталях описать картины окружающего быта, но и буквально передать ритуальность, повторяемость однажды заведенного ритма жизни кочевника: которые для Батырбека «такие степные-степные хлопоты». «Старинные, милые с детства», эти хлопоты и составляют «тон своей всегдашней жизни». По природным часам он сверяет время («на исходе девятая луна»); радуется дождю после долгой засухи и при виде ярко позеленевшей степи и радовался, что корм поправится и скот отдохнет [5; 169].

Степь сопровождала героя всю его жизнь. Когда Батырбеку было невесело, «степь всегда успокаивающе действовала... Она всегда куда-то далеко звала его и говорила ему много такого, что в ауле не приходило и в голову. Вот теперь он смотрит на нее и забывает свои огорчения, а она рассказывает старые сказки, воскрешает в памяти дни детства и юности, дни вольных кочевков и лихих скачек во время праздников, а главное — бесконечные и волнистые степные ковыли, которых теперь так мало». Как и в поэме Г. Зелинского, герой Г. Гребенщикова для описания степи находит слова, идущие от самого сердца: «Серебристые и мягкие, они, как тысячи грив буланых коней, развевались тогда по холмам и равнинам, и лошадь неслась в них по брюхо, как в легкой струе молочной реки... Не оставалось следа после резвого конского бега, не слышно было топота копыт, как будто по перине скакал бегунец. И то припадал к гриве юный Батырбек, кося глаза в сторону несущейся обратно степи, то откидывался назад, любуясь голубым небом, то сваливался на сторону, повиснув на стремени и схватывая горсти ковылей, пушистых, как девичьи косы» [5; 163].

Картины, которые воспроизводят внутренний мир героя-степняка, трогают читателя и присутствием авторской интонации, прорывающейся в форме несобственно-прямой речи своего персонажа. Невозможно оставить без внимания проникновенно тонкие наблюдения героя над жизнью степи: «иссохшая» без дождя и источающая «роскошный воздух» после долгожданного гостя-дождя, степь, все ее пространство из-за выпавшего вслед инея представляется герою в виде

«огромного ломтя черного хлеба, густо посыпанного солью». Образ степи не просто одушевлен, но равнозначен воздуху и хлебу с солью, без которых невозможна человеческая жизнь.

Гармония, веками установленная и закреплённая отлаженным ритмом жизни кочевника в просторах степи, показанная Гребенщиковым с позиции временной перспективы, усиливает драматизм гибели степи и, как следствие, гибели рода: «Все чуяли, что на степь надвигается что-то новое, чуждое и враждебное древним обычаям, и вольному кочевому житью приходит конец» [5; 181].

События, развивающиеся далее в повествовании, конкретизируют и обозначают масштабы трагедии. Удивительный киргизский мир, явленный в сравнениях, образном языке, costume, предметах быта, природе, пейзаже, жилище, образе жизни, пище и многом другом, постепенно и, одновременно, внезапно перестает существовать. Этнографический колорит придает социальному конфликту жизни казахов общечеловеческий масштаб благодаря выделению образа степи, заключающей в себе животворящие соки. Степь как единственная среда обитания кочевника становится другой: «...серая холмистая степь показалась Батырбеку такой убогой и чужой. Сильно, порывисто дул ветер, точно вздыхал разгневанный Аллах. Группа зимовок, низеньких и плоских, цепко ухватившихся за склон горы... походила на старые могилы, поросшие быльем, и такие же одинокие и затерянные...».

Композиционный прием антитезы, неоднократно используемый в романтической поэме Зелинского, присутствует в повести Гребенщикова. Степь как символ воли/свободы киргизов контрастно подчеркнута описанием казарм: сделанные «из черного дерна», они казались Батырбеку «тесной группой киргизских могил» [5; 185]. Определенно слышится переключка с образом «каменных юрт», из которых стремится вырваться герой Г. Зелинского. Вместо степной шири, седых просторов, привычной звуковой симфонии степи в польской поэме в повести Гребенщикова появляется степь в виде «необитаемой пустыни», в которой герой больше не слышит «мелодичных ржаней страстных жеребцов, а вместо многочисленных и резвых табунов на лоне степи» неподвижно покоились щедро насыщенные кости многих тысяч животных». Эта картина раскрывается перед глазами Батырбека после страшного джута. Сам джут — кульминация сюжета — тоже показан как испытание на выживание Степи, участь которой уже была предречена: «Смертельно застонала степь... Джут мертвыми ледяными объятиями охватил ее из края в край» [5; 178]. Вместо привычной звуковой симфонии степи, остался только болезненный крик фабричного гудка: «Будто ревел кто-то заблудившийся и изнемогающий в этих *бездорожных и безлюдных* степях» [5; 184]. В контексте повести этот крик ассоциируется скорее не с фабричным гудком, а голосом самой степи.

... жалкую пародию финальной песни, жалобную песню старого киргиза Карабая, оплакивающую гибель рода: «И старым, как слабая струна домбры, голосом бурчал какую-то печальную песенку, похожую на тихий жалобный плач [5; 183]. Среди исследователей гребенщиковской повести установлена окончательная оценка: «Ханство Батырбека» — завершение скорбной истории степи. Результаты проведенных нами наблюдений над образом степи дают основание высказать более оптимистичный финал художественной версии Г. Гребенщикова.

Авторская надежда на возрождение степи заключена в словах: «И казалось, никогда еще хан Батырбек, с детства привыкший жить вольно и беззаботно, не тосковал и *не задумывался*, как в этот раз». Раздумьями героя не заканчивается история степи, а открывается ее новая страница. Свидетельством поиска автора является его биография: после создания повести Г. Гребенщиков продолжает писать о судьбе степи и, оказавшись после революции за границей, пытается найти решение ее сложных проблем. Надежду писателя вселяет поразительное нерасчлененное единство человека со степью: судьбы их похожи, они идут навстречу друг другу и течению жизни, доверяя ей и поверяя с судьбами предков.

Работая в Соединенных Штатах Америки (1933), Г. Гребенщиков пишет стихотворение в прозе о киргизском народе: «О, киргиз, киргиз! Замкнутого небом степи тебя не знает мир». По оценке современного исследователя, писатель создает образ богатейшей природной кладовой, ждущей своего хозяина: «Какое дремлющее, ждущее величие!» [6; 265].

Оптимистические прогнозы писателя, чья судьба кровными узами связана с историей казахского народа, сбылись: образ степи, отраженный в генетическом коде нации, помог сохранить культурную самобытность кочевой культуры, национальных корней и на новом витке истории сформировал потребность в обновлении культурной памяти. Ментальная природа образа степи благодаря принципам художественной имагологии промонстрирована авторами статьи на примере сопоставительного анализа романтической поэмы «Киргиз» польского поэта Густава Зелинского и повести «Ханство Батырбека» Георгия Гребенщикова.

Подведем итоги. С помощью тактик современной компаративистики нами установлена знаковая природа образа степи. Глубинная суть сопоставления позволила выйти на новый уровень интерпретации художественного текста как многоуровневого объекта имагологического исследования. Приемы имагологии дают инструмент для детального рассмотрения главной литературоведческой категории — художественного образа. В ходе обновления компаративистики рассмотрена возможность исследования образа степи, увиденного художником другой культуры, удаленной во времени и пространстве.

Современная компаративистика дает ключ к ответам на вызовы времени в поисках духовных ориентиров, связанных с проблемой национальной идентификации. Степь как национальный образ маркирует поиски национальной идентичности в начале третьего тысячелетия, порождая миф-образ и, одновременно, национальный бренд «Казахстан — страна Великой степи».

Список литературы

- 1 Бекметов Р.Ф. Литературная компаративистика как методологическая проблема / Р.Ф. Бекметов // Вестн. ТГПУ. — 2010. — № 4(22). — С. 52–58.
- 2 Богаткина М.Г. О формировании новой парадигмы в современной компаративистике / М.Г. Богаткина // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казан. ун-та. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. — С. 302–304.
- 3 Одровонж-Пененжек Я. Пушкин и польский романтик Густав Зелинский / Я. Одровонж-Пененжек // Пушкин. Исследования и материалы. — М.: Л., 1958. — Т. 2. — С. 362–368. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is2/is2-362-.htm>
- 4 Текст поэмы «Киргиз» цитируется по статье: Стеклова Ф.И. Густав Зелинский — автор поэмы «Киргиз» / Ф.И. Стеклова // Филологический сб. — Вып. 2. — Алма-Ата, 1963. — С. 196–209.
- 5 Гребенщиков Г.Д. Ханство Батырбека. Собрание сочинений: [В 6 т.]. — Т. 2 / Г.Д. Гребенщиков. — Барнаул, 2013. — С. 145–193.
- 6 Маркина П.В. Авторский миф об Алтае в книге Г.Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» / П.В. Маркина // Материалы Десятых международных Сейтеновских чтений. — Кокшетау: Кокше, 2016. — С. 265–269.

С.Т. Касенов, Л.И. Абдуллина, П.Л. Маркина

Ұлы дала бейнесі жаңа компаративистика аспектісінде (Г. Зелинскийдің «Қырғыз» поэмасы және Г. Гребенщиковтың «Батырбек хандығы» повесі)

Мақалада поляк ақыны Г. Зелинскийдің «Қырғыз» поэмасы және Г. Гребенщиковтың «Батырбек хандығы» повесіндегі дала бейнесі әдеби параллельдер материалдары негізінде зерттелген. Аталған шығармалар бірнеше мәрте поляк, орыс және отандық зерттеушілердің ғылыми нысанына айналған болатын. Бұл реттегі зерттеушілік ауанда этнографиялық пікірлер басым болды. Мақала аясында қабылданған салыстырудың ерекшелігі — дала бейнесінің жаңа ракурста апробациялануында деп білеміз. Көркем дүниелердің өзара әрекеттестік феноменін сипаттай отырып, мақала авторлары қазіргі заманғы компаративистік көзқарастарды қолданған, тарихи-әдеби перспективадағы дала образын жасаудың бастауларын интерпретациялау үдерісіндегі заңдылықтарды саралауға басымдық берген. Салыстырмалы имагология тәсілдеріне көшу Ұлы дала елі ретінде Қазақстанның қазіргі заманғы елдік брендіне тарихи проекцияға дейін пайда болу мен болмыстан бейненің қалыптасуын қадағалауға мүмкіндік береді. Имагологиялық әдістеме ұзақ уақыт бойы параллельді тарихи-әдеби процестердің терең бастауларын шынайы түрде берген. Авторлардың ғылыми нұсқасына сәйкес мәтіндік иллюстрациялар Дала бейнесінің ментальды табиғатын айғақтайды. Ғылыми бақылаулардың нәтижесі ретінде әдеби ұқсастықтарды зерттеуде жаңа компаративистік тәсілдердің өнімділігі туралы қорытынды болып табылады.

Кілт сөздер: компаративистика, имагология, этнографиялық экзотика, тұрмыстық жазба, көркем сурет, дискурс, концепт.

S.T. Kasenov, L.I. Abdullina, P.V. Markina

The image of the Great steppe in the aspect of the new comparativity (G. Zelinsky's poem «Kirgiz» and G.D. Grebenshchikov's story «Batyrbek`s Khanate»)

The article explores the image of the steppe on the material of the literary parallel: the poem of the Polish poet G. Zelinsky «Kirgiz» and the story of G. Grebenshchikov «Batyrbek`s Khanate». The named works repeatedly became the subject of scientific observation by Polish, Russian and domestic researchers. Moreover, the focus was mainly on ethnographic commentary. The originality of the comparison undertaken within the framework of the article — the image of the steppe — but in the testing of a new perspective. Describing the phenomenon of the interaction of the artistic worlds, the authors of the article apply modern comparative approaches, shifting the emphasis from highlighting patterns in creating the image of the steppe to interpreting the origins of this process in the historical and literary perspective. The transition to the methods of comparative imagology allows you to track the formation of the image from its inception and existence up to historical projection on the modern country brand of Kazakhstan as the great steppe country. Imagological methodology authentically conveys the deep sources of parallel historical and literary processes over a long time. Textological illustrations in accordance with the scientific version of the authors prove the mental nature of the image of the steppe. The result of scientific observations is the conclusion about the productivity of new comparative approaches in the study of literary analogies.

Keywords: comparative studies, imagology, ethnographic exotics, genesis, artistic image, discourse, concept.

References

- 1 Bekmetov, R.F. (2010). Literaturnaia komparativistika kak metodologicheskaia problema [Literary comparative studies as a methodological problem]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedahogicheskogo universiteta — Bulletin of the Tatar State University of Humanities and Education*, 4 (22), 52–58 [in Russian].
- 2 Bogatkina, M.G. (2004). O formirovanii novoi paradihmy v sovremennoi komparativistike [On the formation of a new paradigm in modern comparative studies]. Russian and comparative philology: state and prospects '04: *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 200-letiiu Kazanskogo universiteta — International scientific conference dedicated to the 200th anniversary of Kazan University*. (pp. 302–304). Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta [in Russian].
- 3 Odrovonzh-Penezhek, Ya. (1958). Pushkin i polskii romantik Hustav Zelinskii [Pushkin and the Polish romantic Gustav Zelinsky]. *Pushkin. Issledovaniia i materialy — Pushkin. Research and materials*, Vol. 2, 362–368. Retrieved from <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is2/is2-362-.htm> [in Russian].
- 4 Steklova, F.I. (1963). Hustav Zelinskii — avtor poemy «Kirhiz» [Gustav Zelinsky — author of the poem «Kyrgyz»]. *Filologicheskii sbornik — Philological collection*, 2, 196–209 [in Russian].
- 5 Grebenshchikov, G.D. (2013). *Khanstvo Batyrbeka [Khanate of Batyrbek]*. (Vol. 1–6). Barnaul [in Russian].
- 6 Markina, P.V. (2016). Avtorskii mif ob Altae v knihe G.D. Grebenshchikova «Moia Sibir» [The author's myth of Altai in the book of GD Grebenshchikov «My Siberia»]. *Materialy Desiatykh mezhdunarodnykh Seitenovskikh chtenii — Materials of the 10th International Seytenov readings*. (p. 265–269). Kokshetau: Kokshe [in Russian].